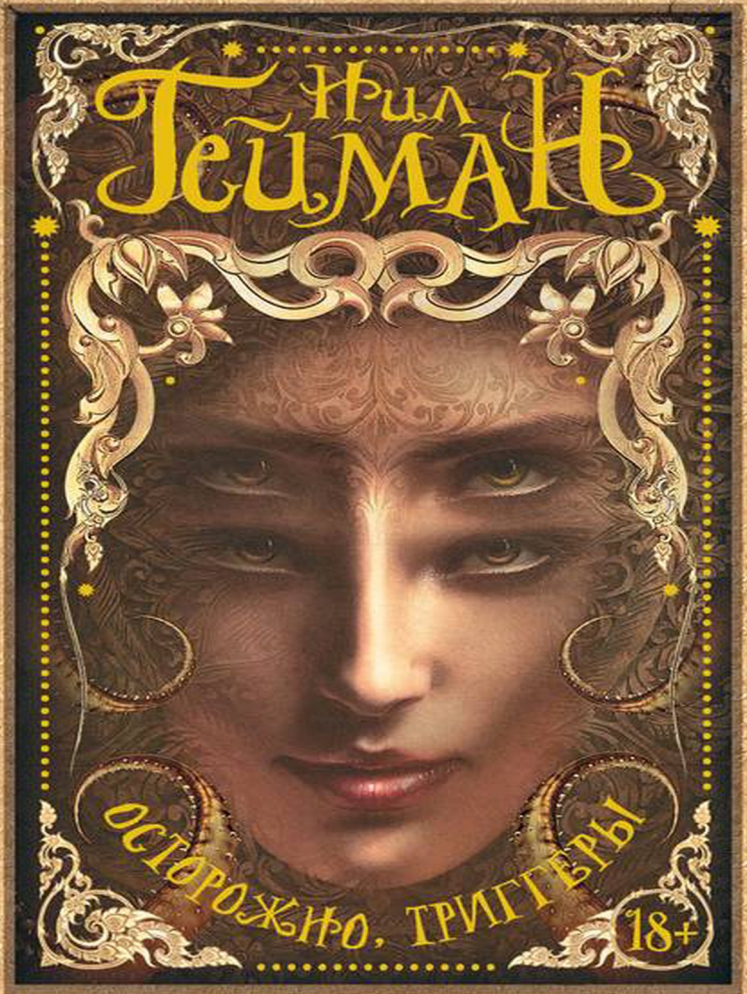
Нил
Гейман
ОСТОРОЖНО, ТРИГГЕРЫ
18+

Черный пес
Нил Гейман

Аннотация
Нил Гейман. Черный пес

Аннотация

Жемчужиной нового сборника мастера магического реализма Нила Геймана «Осторожно, триггеры» является представленная здесь история «Черный пес» – сиквел к культовому роману «Американские боги».

Нил Гейман
Черный пес

Десять языков в одной голове.
Один язык пошел за хлебом,
Чтоб накормить живых и мертвых.

Старинная загадка

Copyright © 2015 Neil Gaiman
© А. Блейз, перевод на русский язык, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016
© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

I

Чужак в пабе

ДОЖДЬ ЗА СТЕНАМИ ПАБА лил как из ведра: добрый хозяин собаку не выгонит, а кошка и сама не пойдет.

Тень был не совсем уверен, паб это или нет. Правда, у дальней стены виднелась короткая барная стойка, за ней тянулись ряды бутылок, а над стойкой возвышались два огромных блестящих крана. Да и в зале стояло несколько высоких столов, а за столами выпивали люди. Но все равно это больше смахивало на комнату в каком-то жилом доме. Особенно из-за собак. Похоже, собаки тут были у всех, кроме Тени.

— Что за порода? — полюбопытствовал Тень. Собаки походили на борзых, но ростом были поменьше и на вид поспокойнее, не такие дерганые и напряженные, как обычно бывают борзые.

— Ищейки, — ответил хозяин паба, выходя из-за стойки с пинтой пива в руке. — Лучшие на свете псы. Охотники на браконьеров. Быстрые, умные и беспощадные. — Отхлебнув пива, он наклонился и почесал за ушами одну из собак, белую с рыжими пятнами. Пес сладко потянулся

и только что не заурчал от удовольствия. Особой беспощадности в нем не наблюдалось, о чем Тень не преминул заявить.

Хозяин паба тряхнул копной ярко-рыжих с проседью волос и задумчиво поскреб бороду.

— Тут ты не прав, парень, — сказал он. — На той неделе мы с его братом — вон с тем, у камина, — гуляли по Кампси-лейн. Идем мы себе, и тут, представляешь, метрах в двадцати от нас из-за кустов — лисья морда. Здоровый такой, рыжий лисище. Покрутил головой и выскочил прямо на дорогу. И что ты думаешь? Я и глазом моргнуть не успел, а Клык на него уже несется, как подорванный. Зубами клац, за холку его — и готово.

Тень посмотрел на Клыка — серого пса, дремлющего у камина. Этот тоже выглядел безобидно.

— И что же это за порода такая — ищейки? Английская, что ли?

— Да это не совсем порода, — вмешалась седая дама из-за ближайшего столика, чуть ли не единственная здесь, при ком собаки не было. — Это помесь такая. Шотландская овчарка с борзой. Их специально скрещивают, чтобы щенки рождались быстрые и выносливые.

Ее сосед наставительно поднял палец.

— Ты небось не местный, — усмехнулся он, — и

не знаешь, что тут у нас не каждому разрешали держать чистопородных собак. Но дворняжку мог завести всякий. А тем, со своими законами, и невдомек было, что ищейка куда лучше и проворней всех этих родовитых бестолочей.

Кончиком указательного пальца он подтолкнул повыше съехавшие очки и снова ухмыльнулся. Тень отметил про себя, что его каштановые бачки тоже присыпаны солью седины.

— Как по мне, так любая дворняга в сто раз лучше породистого пса, — подхватила женщина. — Вот почему Америка — такая интересная страна. Там все полукровки.

Тень никак не мог понять, сколько ей лет: волосы белые, как снег, но лицо еще совсем не старое.

— Ошибаешься, дорогая, — мягко возразил мужчина с бакенбардами. — На самом деле американцы почище англичан помешаны на породистых псах. Я как-то познакомился с одной дамой из Американского клуба заводчиков, и это был тихий ужас. Она меня напугала.

— Я не о собаках, Олли, — покачала головой женщина. — Я имела в виду… Ох, ну ладно. Неважно.

— Пить-то что будешь? — спросил хозяин паба.

На стене над стойкой висел рукописный плакатик, настоятельно советовавший не заказывать светлое, «потому что не всякому приятно вместо пива получить по морде».

— А что хорошего посоветуете из местных сортов? — спросил Тень, уже усвоивший, что разумнее всего отвечать именно так.

Хозяин и седовласая женщина не сошлись во мнениях о том, какие из местных сортов пива и сидра можно признать хорошими. Когда страсти уже накалились не на шутку, коротышка с бакенбардами вмешался и заявил, что, по его скромному мнению, «хорошее» — это не просто «неплохое», а нечто куда более выдающееся. Одним словом, то, что делает мир прекраснее. Высказавшись, он застенчиво хихикнул — мол, не принимайте меня всерьез, на самом деле я понимаю, что речь всего лишь о выпивке.

Пока остальные отвлеклись на коротышку, хозяин успел налить Тени пиво по своему вкусу — темное и очень горькое. Тень выпил и остался не в восторге.

— Как называется?

— «Черный пес», — ответила женщина. — Говорят, его так назвали из-за того, что бывает, если его перебрать.

— Хандра находит, — пояснил ее спутник. — Ну, как на Черчилля[1].

— На самом деле этот сорт назвали в честь одной местной собаки, — присоединилась к беседе другая женщина, помоложе. Она была в оливково-зеленом свитере и стояла у стены. — Только это не настоящая собака, а так… То ли выдумка, то ли нет.

Тень нерешительно посмотрел на Клыка.

— Можно почесать его за ушами? — спросил он, памятуя о печальной участи лиса.

— Конечно, — ответила седая женщина. — Ему это дело нравится. Давай, не стесняйся.

— Ну-у, я не знаю, — протянул хозяин. — Тому говнюку из Глоссопа он палец чуть начисто не оттяпал, — предостерег он таким тоном, как будто со стороны пса это был подвиг.

— По-моему, то был какой-то местный чиновник, — сказала женщина. — А таких не жалко. Хочет собака укусить — пускай кусает. И налоговых инспекторов — всегда пожалуйста.

Женщина в зеленом свитере подошла к Тени. Напитка у нее в руке не было. Тень посмотрел на нее: темные, коротко стриженные волосы и

---

[1] Примечания: 1

Уинстон Черчилль — премьер-министр Великобритании, страдал тяжелой депрессией, которую называл «черным псом».

целая россыпь веснушек на носу и щеках.

— Ты-то ведь не чиновник? — спросила она.

Тень помотал головой.

— Я вроде как турист, — сказал он.

Отчасти так оно и было. По крайней мере, он путешествовал.

— Канадец? — спросил коротышка с бакенбардами.

— Американец, — ответил Тень. — Но я давно в дороге.

— Ну, тогда никакой ты не турист, — заключила седая женщина. — Туристы они ведь как: приедут, посмотрят тут, что им надо, и поминай как звали.

Тень пожал плечами, улыбнулся и, наклонившись, почесал Клыка за ушами.

— Значит, ты не собачник? — спросила темноволосая.

— Не собачник, — подтвердил Тень.

Будь на его месте кое-кто другой — тот, кто говорил у него в голове обо всем, что с ним происходит, — он сказал бы, что у его жены в детстве были собаки. И что она иногда называла Тень щенком, потому что очень хотела собаку, а домовладелец запрещал держать животных. Но о таком лучше было помалкивать. Британцы тем

ему и нравились, среди прочего, что они не задают лишних вопросов, даже если им интересно, что творится у тебя внутри. Тому, что внутри, не место снаружи. Вот уже три года прошло, как его жена умерла.

— Все люди делятся на собачников и кошатников, — заявил коротышка с бакенбардами. — Выходит, ты кошатник?

Тень задумался.

— Не знаю. Когда я был маленьким, животных мы не держали. Все время переезжали с места на место. Но…

— Я не просто так спрашиваю, — перебил коротышка. — Кошка тут тоже есть. Может, ты захочешь взглянуть.

— Раньше мы ее тут держали, но потом отправили в заднюю комнату, — добавил хозяин из-за стойки.

Тень только диву давался, как тот ухитряется поддерживать разговор, одновременно принимая и отпуская заказы.

— Собаки нервничали? — предположил он.

Дождь, на время приутихший, снова забарабанил по стеклам. Ветер стонал, посвистывал, а потом внезапно завыл во всю мочь, и дрова в камине затрещали и посыпали искрами.

— Не в том смысле, как ты думаешь, — ответил хозяин. — Эту кошку мы нашли, когда пробили стену в соседнюю комнату, чтобы расширить стойку. Пойдем, — усмехнулся он. — Сам увидишь.

Тень двинулся за ним в заднюю комнату. Коротышка с бакенбардами и седая дама встали из-за стола и пошли следом.

Тень обернулся и окинул взглядом зал. Темноволосая женщина тепло улыбнулась, встретившись с ним глазами.

Задняя комната оказалась больше и светлее. Здесь уже не возникало чувства, будто вместо паба ты очутился у кого-то в гостиной. Сидевшие за столами люди не столько пили, сколько ели, и еда у них на тарелках выглядела, да и пахла, аппетитнее, чем закуски, которые подавали в пивном зале. Хозяин провел Тень к дальней стене, где стояла пыльная стеклянная коробка.

— Вот она! — гордо объявил он.

Кошка была коричневая и на первый взгляд состояла сплошь из сухожилий и смертной муки. Дыры на месте глаз горели гневом и болью; пасть была широко раскрыта, словно свой последний вздох кошка испустила в безумном вопле.

— Животных замуровывали в стены с той же

целью, с которой в древности под фундамент дома живьем закапывали детей, — пояснил из-за спины коротышка. — То есть чтобы дом не рухнул. Хотя при виде мумифицированных кошек я всегда вспоминаю тех, которых нашли в египетском Бубастисе, в храме Баст. Их там были целые тонны. Просто непонятно было, куда их девать. В конце концов, этих несчастных кошек стали отправлять в Англию, а там их измельчали в порошок и пускали на удобрения. А еще в Викторианскую эпоху из мумий делали краску. Наверно, коричневую.

— Выглядит ужасно, — сказал Тень. — Сколько ей лет?

Хозяин паба почесал щеку.

— Ну, по нашим прикидкам, стена, в которой ее нашли, появилась где-то между тысяча трехсотым и тысяча шестисотым. Это если верить церковным записям. В тысяча трехсотом году здесь еще ничего не было, а в тысяча шестисотом уже стоял дом. Записи за промежуточные триста лет потерялись.

Мертвая кошка в стеклянном ящике, голая и кожистая, как будто следила за ними, таращась черными провалами глазниц.

«У меня есть глаза везде, где ходит мой наро-

дец», — прошелестел голос в глубинах памяти. Тень на секунду задумался о полях, удобренных порошком из кошачьих мумий: странный, должно быть, они дали урожай.

— «…Его посадили в дырку в стене, — произнес коротышка Олли. — И там он жил, и там скончался. Никто не плакал и не смеялся»[2]. Ух, и кого только не замуровывали в стены, чтобы дом стоял крепко! Всяких-разных животных… А бывало, что и детей. И в церквях, конечно, тоже.

Дождь выстукивал неритмичную дробь на подоконнике. Тень сказал хозяину спасибо за демонстрацию кошки, и все вчетвером вернулись в пивной зал. С легкой досадой Тень отметил, что темноволосая женщина уже ушла. Жаль, казалось, он ей был симпатичен. Тень заказал по пинте для Олли, его седовласой спутницы и хозяина паба.

Хозяин пошел за стойку, а Тень сообщил:

— Меня зовут Тень. Фамилия — Лун.

Олли в восторге всплеснул руками:

— Надо же! Как здорово! У меня в детстве была эльзасская овчарка по кличке Тень. Это настоящее имя?

---

[2] Примечания: 2

Строки из старинного детского стихотворения.

— Так меня зовут, — только и сказал Тень.

— Мойра Калланиш, — представилась седая женщина. — А это Оливер Бирс. Он знает все на свете. И если наше знакомство продолжится, он, несомненно, расскажет тебе все, что знает.

Они пожали друг другу руки. Хозяин поставил перед ними напитки, и Тень спросил, не сдает ли он комнаты. Поначалу он не собирался здесь ночевать, но дождь явно зарядил надолго. Ботинки у Тени были прочные, плащ не промокал, но идти под дождем все равно не хотелось.

— Раньше сдавал одну комнатушку, но теперь там живет мой сын. Вернулся, так сказать, под отчий кров. Иногда я пускаю народ переночевать в сарае, но ничего лучше предложить не могу.

— А у кого-нибудь в деревне можно найти комнату?

Хозяин паба покачал головой.

— Вряд ли. Погодка сегодня та еще. Но отсюда до Порсетта всего несколько миль по дороге, и там у них есть настоящая гостиница. Если хочешь, я позвоню Сандре, скажу, что ты придешь. Как тебя звать?

— Тень, — повторил Тень еще раз. — Тень Лун.

Мойра посмотрела на Оливера и что-то прошептала — как показалось Тени, что-то насчет

«бездомных и заблудших». Оливер пожевал губу и вдруг закивал с энтузиазмом.

— А как ты смотришь на то, чтобы заночевать сегодня у нас? — предложил он. — У нас комната пустует — крохотная, правда, что твой чулан, но кровать там есть. И там тепло. И сухо.

— С огромным удовольствием, — сказал Тень. — Я могу заплатить.

— Не валяй дурака! — возмутилась Мойра. — Так приятно в кои-то веки принять гостя!

II

Висельная клетка

Выйдя из паба, Оливер и Мойра раскрыли зонтики. Свой зонтик Оливер тут же всучил Тени, резонно заметив, что Тень гораздо выше и если он будет нести зонтик над ними обоими, то никто не промокнет.

Кроме того, у Оливера и Мойры имелись при себе фонарики, которые они по местному обыкновению называли факелами. От этого словечка Тени пришли на ум крестьяне из фильма ужасов, штурмующие замок на холме в такую же грозовую ночь, под грохот грома и вспышки молний. «О, мое создание! Нынче ночью я подарю тебе

жизнь!» В другое время Тень только посмеялся бы над этой нелепой мысленной картинкой, но сейчас ему стало не по себе. После той мертвой кошки он чувствовал себя как-то странно.

Узкие дорожки между полями превратились в канавы, полные воды по щиколотку.

— В хорошую погоду, — прокричала Мойра сквозь шум дождя, — мы бы просто пошли через поля. Но там сейчас сплошная грязь и слякоть, так что придется топать через Чертов переулок. Кстати, вон то дерево видишь? На нем когда-то была висельная клетка. — Она махнула рукой в сторону перекрестка, где высился старый платан с толстенным стволом. Веток на нем почти не осталось, и голая верхушка сиротливо выглядывала из-за пелены дождя.

— Мойра здесь живет лет с пятнадцати, — добавил Оливер. — А я только восемь лет назад перебрался. Раньше жил в Лондоне, на Тернем-Грин. А впервые я тут побывал в четырнадцать, на каникулах, — и запомнил на всю жизнь. Такое не забывается.

— Эта земля врастает в плоть и кровь, — сказала Мойра. — Ну, образно говоря.

— А плоть и кровь уходят в землю, — подхватил Оливер. — Так или иначе. Взять вот хотя бы это

дерево: тела оставляли в клетке, пока они не истлеют дотла. Пока птицы не выщиплют все волосы себе на гнезда, а вороны не обчистят все мясо с костей. Или пока не подвернется другой труп, чтобы было кого выставить напоказ.

Тень не сомневался, что понял правильно, но все равно решил уточнить. Спрос, как говорится, не ударит в нос, а Оливер определенно был из тех всезнаек, что обожали коллекционировать всякие любопытные факты, а потом делиться ими с окружающими.

— Что такое висельная клетка? — переспросил он.

— Такая железная клетка, вроде птичьей, только большая. В них вывешивали трупы казненных преступников — в назидание другим. Клетку запирали на ключ, чтобы друзья и родные не могли украсть тело и похоронить его по-христиански. Сомневаюсь, что других преступников это останавливало, но случайные прохожие пугались будь здоров.

— А кого казнили?

— Да любого, кому не повезет! Триста лет назад смертью каралось больше двухсот видов преступлений. Включая разъезды в компании цыган в течение месяца и дольше, кражу овец — и, кста-

ти, чего угодно, что стоило дороже двенадцати пенсов, — и рассылку писем с угрозами.

Оливер набрал воздух в легкие, чтобы продолжить перечисление, но тут вмешалась Мойра:

— Насчет смертных казней Оливер прав, но в этих краях в клетке вывешивали только убийц. Поэтому один и тот же труп мог провисеть лет двадцать. Убивали у нас нечасто. А вот и Чертов переулок! — объявила она, видимо пытаясь перевести разговор на менее мрачную тему: — Местные говорят, что ясными ночами тут можно увидеть, как за тобой бежит Черный Черт. Это такая волшебная собака. В такую ночь, само собой, надеяться не на что.

— Ну, мы-то сами его ни разу не видели, — вставил Оливер. — Даже в ясную погоду.

— И это очень хорошо, — подхватила Мойра. — Потому что кто его увидит, тот умрет.

— Сандра Уилберфорс клянется, что видела его, — и до сих пор здорова как лошадь.

Тень улыбнулся.

— А что он делает, этот Черный Черт?

— Ничего он не делает, — сказал Оливер.

— Еще и как делает! — возразила Мойра. — Он идет за тобой до дома. А потом проходит немного времени, и ты умираешь.

— Вроде ничего страшного, — заметил Тень. — Ну, не считая последнего пункта.

Между тем они уже дошли до конца переулка. Дождевая вода текла рекой, перехлестывая через тяжелые туристические ботинки. Тень спросил:

— А как вы познакомились?

Он уже знал, что такой вопрос едва ли сочтут невежливым, когда имеешь дело с парой.

— В пабе, — ответил Оливер. — На самом деле я просто приехал сюда отдохнуть.

— Я тогда была не одна, — добавила Мойра. — Но у нас с Оливером случился бурный роман, и мы сбежали от прежней жизни. Никто от нас такого не ожидал.

Они и впрямь непохожи на людей, способных так потерять голову, подумал Тень. Но, в конце концов, у всех свои причуды. Он пожалел, что задал этот вопрос: теперь и самому надо было что-то сказать.

— Я был женат. Моя жена погибла в автокатастрофе.

— Как печально! — сказала Мойра.

— В жизни всякое бывает, — пробормотал Тень.

— Когда придем домой, я сделаю нам всем по виски-маку, — пообещала Мойра. — Это виски

с имбирным вином и горячей водой. А еще мне надо будет принять горячую ванну. В такую погоду жуткую смерть подхватить можно, не то что простуду.

Тени представилось, как он протягивает руку и подхватывает смерть, словно мячик. Его передернуло.

Дождь припустил с новой силой, и внезапная вспышка молнии высветила окрестный пейзаж с необычайной отчетливостью: каждый серый камень в кладке стены, каждая травинка, каждая лужица, каждое дерево — все на мгновение озарилось ослепительным светом и тотчас вновь утонуло в непроглядной тьме, оставив перед глазами Тени яркие отпечатки.

— Вы это видели? — спросил Оливер. — Черт знает что такое!

В небе заворчал и раскатился гром, и Тени пришлось подождать с ответом, пока тот не стихнет.

— Я ничего не видел, — наконец произнес Тень, но тут полыхнула еще одна молния, и ему показалось, что на одном из дальних полей движется в сторону от них какая-то фигурка. — А, вон там? — спросил он.

— Это осел, — сказала Мойра. — Просто осел.

Оливер остановился

— Не надо было идти этой дорогой, — заявил он. — Надо было вызвать такси. Мы сваляли дурака.

— Олли, — сказала Мойра. — Успокойся. Мы уже почти пришли. Подумаешь, дождь! Не сахарные, не растаем.

Вспыхнула очередная молния. Прежде чем снова наступила тьма, Тень успел бросить взгляд на дальнее поле, но там уже ничего не было. Тень повернулся к Оливеру — и обнаружил, что рядом с ним под зонтиком тоже никого нет. Фонарик Оливера валялся на земле. Тень поморгал, чтобы скорее восстановить ночное зрение, и огляделся вокруг. Коротышка лежал на обочине, свернувшись клубком в мокрой траве.

— Олли? — Мойра наклонилась над ним, зажав зонтик под мышкой. Посветила ему в лицо своим фонариком. Потом посмотрела на Тень. — Нельзя его тут оставить, — смущенно сказала она. — Такой дождь…

Тень поднял второй фонарик, сунул его в карман, передал свой зонтик Мойре и взвалил Оливера на плечо. Тот оказался нетяжелым, а Тень был крепкий парень.

— Далеко еще?

— Нет, — ответила Мойра. — Уже совсем ря-

дом.

Дальше они шагали молча. Оставив позади кладбище на краю общего выгона, они вошли в деревню, и Тень увидел свет в окошках серых каменных домов. Вскоре Мойра свернула к дому, стоявшему в стороне от главной улицы. Тень шел следом. На входе Мойра пропустила его вперед и придержала дверь.

Кухня оказалась просторной и теплой. У стены стоял уютный диван, заваленный журналами. Правда, Тени пришлось пригнуться, чтобы не удариться головой о балку. Он снял с Оливера дождевик и бросил на пол (с плаща тут же натекла лужа), а самого Оливера уложил на диван.

Мойра набрала воды в чайник.

— Может, вызвать «Скорую»?

Мойра покачала головой.

— А что, с ним такое часто бывает? Чтобы вот так шел-шел — и вырубился ни с того ни с сего?

— Иногда, — ответила она, доставая кружки с полки. — Ты не волнуйся, это ненадолго. У него нарколепсия. Если его внезапно удивить или напугать, он просто падает и засыпает. Скоро он проснется. И захочет чаю. Так что виски-мак на сегодня для него отменяется. После такого он иногда не очень соображает, что с ним и где

он. Но иногда, наоборот, помнит все, что с ним происходило. И терпеть не может, когда вокруг него разводят лишнюю суету. Рюкзак можешь поставить вон там, у плиты.

Чайник вскипел. Мойра ополоснула кипятком заварочный чайник и сказала:

— Ему сейчас нужно черный чай. Я буду ромашковый, а то не засну. Нервы разыгрались. А ты какой будешь?

— Черный, — ответил Тень.

За этот день он отшагал двадцать с лишним миль, так что бессонница ему не грозила. Он с интересом разглядывал Мойру. Та держалась на удивление хладнокровно, и Тень пытался понять, действительно ли она полагает, что волноваться не о чем, или просто не желает обнаружить слабость перед малознакомым человеком. Так или иначе, он ею восхищался, хотя не смог бы объяснить почему. Англичане все-таки очень странные. Но отвращение к «лишней суете» — это он мог понять. Да.

Оливер завозился на диване. Мойра тут же поднесла ему чашку чая и помогла сесть. Оливер отхлебнул из чашки; вид у него был слегка обалдевший.

— Он шел за мной до самого дома, — сообщил

он, как будто продолжая неоконченный разговор.

— О чем это ты, милый? — голос Мойры не дрожал, но в нем сквозило неподдельное беспокойство. — Кто за тобой шел?

— Пес, — ответил Оливер и отпил еще глоток. — Черный пес.

III

Бритва

Тем вечером, сидя за кухонным столом с Мойрой и Оливером, Тень узнал много нового.

Он узнал, что в Лондоне Оливер работал в рекламном агентстве, но это занятие не приносило ему никакой радости. Необычная болезнь, приступ которой он сегодня продемонстрировал, дала ему возможность уйти на пенсию гораздо раньше положенного срока — по медицинским показаниям. Олли перебрался в деревню и занялся ремонтом каменных стен. То, что начиналось как развлечение, постепенно превратилось в источник заработка. Техника сухой кладки, пояснил Олли, — это настоящее искусство, а если все делать правильно — то еще и превосходная медитативная практика.

— Когда-то в этих краях были сотни каменщиков. А теперь мастера перевелись — и дюжины не найдется. Стены латают бетоном или шлакоблоками. Одним словом, умирает наше искусство. Эх, я бы тебе показал, как это делается. Полезный навык, в жизни может пригодиться. Чтобы выбрать камень, иногда приходится слушать: камень сам скажет, куда он хочет лечь. И тогда уж ложится как влитой — стену и танком не прошибешь. Удивительное дело.

Тень узнал, что несколько лет назад Оливер страдал тяжелой депрессией, но вскоре после того как встретился с Мойрой, пошел на поправку и в последнее время отлично справляется. «Точнее сказать, неплохо», — поправился он.

Еще Тень узнал, что у Мойры было свое состояние: она с сестрами могла бы спокойно прожить всю жизнь на ренту. Тем не менее в восемнадцать она решила стать учительницей — и действительно стала. Правда, теперь она больше не преподавала, но очень активно участвовала в общественной жизни и провела блестящую кампанию против отмены местных автобусных маршрутов.

А еще Тень узнал — точнее, сделал вывод из того, о чем Оливер старался умолчать, — что

тот чего-то боится до полусмерти. И когда Тень спросил, чего он так испугался и что имел в виду, когда сказал, что черный пес шел за ним до дома, Оливер начал заикаться и мямлить. Стало понятно, что допытываться не стоит.

Что же Оливер и Мойра узнали в тот вечер о Тени?

Ничего особенного.

Тени они пришлись по душе. Он был не дурак: в прошлом он доверялся людям, которые потом его предавали, — и усвоил урок. Но эта пара ему понравилась, и в доме у них пахло приятно — свежим хлебом, и джемом, и полированным ореховым деревом. Поэтому, устраиваясь на ночлег в крохотной спаленке, Тень снова и снова возвращался мыслями к тому, чего же так испугался этот говорливый коротышка с седеющими бачками. Что, если там, на поле, был вовсе не осел? Что, если это и вправду была огромная собака? Что тогда?

Когда Тень проснулся, дождь уже перестал. На кухне никого не было. Тень поджарил себе тост. Мойра вернулась из сада, и вместе с ней в кухню ворвался прохладный утренний воздух.

— Ну, как спалось? — спросила она.

— Замечательно.

Этой ночью Тени приснилось, что он ходит по зоопарку. Со всех сторон в клетках сопели и хрюкали какие-то животные, но он их не видел. Во сне он снова был маленьким: мама вела его за ручку, и он чувствовал, что его любят и защищают. Тень остановился перед львиной клеткой, но вместо льва в клетке оказался сфинкс — лев только наполовину, а наполовину женщина. Охлестывая хвостом бока, сфинкс улыбнулся — и улыбка эта была точь-в-точь как у матери. А потом женщина-лев заговорила с ним, и голос у нее оказался теплый, кошачий и с каким-то незнакомым акцентом.

– *Познай себя,* — сказала она.

– *Я знаю, кто я такой,* — ответил Тень, вцепившись в прутья клетки. За прутьями раскинулась пустыня. Тень посмотрел вдаль и увидел пирамиды. Увидел тени на песке.

– *И кто же ты такой, Тень? От чего ты убегаешь? Куда ты бежишь? Кто ты?*

И Тень проснулся в недоумении от этих вопросов и в тоске по матери, умершей двадцать лет назад, когда он был еще подростком. Но все-таки сон принес утешение: Тень все еще помнил тепло и надежность материнской руки, сжимавшей его детскую ручку.

— Олли сегодня нездоровится, — сообщила Мойра.

— Какая жалость.

— Да. Но тут уж ничего не поделаешь.

— Огромное спасибо за ночлег. Ну, пожалуй, мне пора.

— Подожди, — сказала Мойра. — Можно я тебе кое-что покажу?

Тень кивнул и пошел за ней во двор. Мойра обвела его вокруг дома и указала на розовую клумбу:

— Как, по-твоему, на что это похоже?

Тень наклонился и посмотрел.

— На «отпечатки лап огромной собаки», как сказал бы доктор Ватсон.

— Вот именно, — кивнула Мойра.

— Ну, если тут и вправду бродит собака-призрак, — рассудил Тень, — то вряд ли она станет оставлять следы. Или может?

— Честно говоря, я в этом не разбираюсь, — сказала Мойра. — Когда-то у меня была подруга, которая знала о таких вещах абсолютно все. Но она… — Мойра умолкла, махнув рукой, а потом с деланой бодростью заявила: — А знаешь, миссис Камберли тут по соседству держит доберман-пинчера. Нелепое существо.

Тень не совсем понял, относились ли последние слова к миссис Камберли или к ее собаке.

Сейчас, при свете дня, вчерашние события казались уже не такими пугающими и странными. По крайней мере, никаких мистических объяснений они не требовали. Ну, допустим, за ними и впрямь увязалась какая-то бродячая собака. И что с того? Да, конечно, Олли испугался и упал в обморок, но ведь с ним такое бывало и раньше.

— Ну ладно, — вздохнула Мойра. — Пойдем, я соберу тебе в дорогу чего-нибудь перекусить. Вареные яйца есть. Как проголодаешься, скажешь спасибо.

Они вернулись в дом. Оставив Тень на кухне, Мойра пошла что-то искать, а когда вернулась, на ней лица не было.

— Оливер заперся в ванной, — сообщила она.

Тень молча уставился на нее. Он не знал, что сказать.

— Сказать тебе, чего я хочу? — спросила Мойра.

— Да.

— Я хочу, чтобы ты пошел и поговорил с ним. Я хочу, чтобы он открыл дверь. И поговорил со мной. Я слышу, как он там возится. Через дверь все очень хорошо слышно.

И, помолчав, добавила:

— Боюсь, он опять пытается себя порезать.

Тень вышел в коридор, встал под дверью ванной и окликнул Оливера по имени.

— Ты меня слышишь? С тобой все хорошо?

Из ванной не донеслось ни звука.

Тень осмотрел дверь. Дерево было крепкое. Старый дом, а в прежние времена все строили на совесть. Но с утра Тень заходил в ванную и помнил, что замка в двери нет — только крючок с петлей. Он навалился на ручку и со всей силы толкнул дверь плечом. Дерево затрещало, и дверь распахнулась настежь.

Когда Тень сидел в тюрьме, ему довелось видеть, как человека ни за что ни про что пырнули ножом. Он помнил тело, лежавшее в луже крови в дальнем углу тюремного дворика. Страшно хотелось отвернуться, но Тень заставил себя смотреть. Ему казалось, что отвернуться было бы неуважительно.

Оливер лежал голым на полу ванной комнаты. Кожа у него была бледная, на груди и в паху курчавились густые, темные волосы. В руках он сжимал старинную безопасную бритву. Он уже успел исполосовать себе руки и грудь выше сосков. Порезы виднелись на внутренней стороне

бедер и даже на члене. Кровь была повсюду — на теле Оливера, на черно-белом линолеуме, покрывавшем пол, и на белой эмали ванны. Огромными и круглыми, как у птицы, глазами Оливер смотрел прямо на Тень — но вряд ли что-то видел.

— Олли? — донесся из коридора голос Мойры, и Тень сообразил, что загораживает дверь. На секунду он замер в нерешительности: стоит ли ей видеть, что тут творится? Потом взял с вешалки розовое полотенце и обернул им Оливера. Тот заморгал и уставился на Тень, как будто только теперь заметил его присутствие.

— Пес, — пробормотал он. — Это все для него. Его надо кормить, понимаешь? Мы с ним подружимся.

— О господи боже мой! — вскрикнула Мойра.

— Я вызову «Скорую».

— Нет, нет, пожалуйста, не надо! — всполошилась она. — Ему будет лучше дома, со мной. Я не знаю, что мне… Пожалуйста!

Тень поднял Оливера, закутанного в полотенце, отнес его в спальню на руках, как ребенка, и водрузил на кровать. Мойра взяла с тумбочки айпад и включила музыку.

— Дыши, Олли, — сказала она. — Вспоминай. Дыши. Все будет хорошо. Ты поправишься.

— Дышать трудно, — жалобным голосом возразил Оливер. — Не получается. Но сердце я чувствую. Чувствую, как оно бьется.

Мойра взяла его за руку и села на край постели. Тень оставил их наедине.

Когда Мойра вернулась на кухню, рукава ее были закатаны по локоть, а от рук пахло антисептической мазью. Тень сидел на диване, читал путеводитель по местным туристическим маршрутам.

— Ну, как он?

Мойра пожала плечами.

— Ты с ним одна не управишься, — заметил Тень.

— Да. — Она стояла посреди кухни и растерянно оглядывалась по сторонам, словно не понимая, где искать помощи. — А ты… Я хочу сказать, тебе обязательно надо уйти сегодня? Ты выбьешься из графика, если не уйдешь?

— Меня никто не ждет. Нигде.

Мойра посмотрела ему в глаза, и Тень заметил, как побледнело и осунулось ее лицо за последний час.

— С ним и раньше такое случалось. Через несколько дней он уже опять будет как огурчик. Это никогда не длится долго. Вот я и подумала — а

не мог бы ты… ну… задержаться тут ненадолго? Я звонила сестре, но она сейчас где-то в дороге. А сама я действительно не справлюсь. Не могу больше. Но если тебя кто-то ждет, я, конечно, не стану тебя просить…

— Никто меня не ждет, — повторил Тень. — На несколько дней я вполне могу задержаться. Но мне кажется, Оливеру нужна помощь специалиста.

— Да, — согласилась Мойра. — Ты прав.

Под вечер пришел доктор Скейтлок — старый приятель Мойры и Оливера. Тень так и не понял, ходят ли сельские врачи в Англии по вызовам, как в прежние времена, или это был просто дружеский визит. Доктор прошел в спальню и вернулся через двадцать минут.

Они с Мойрой сели за кухонный стол, и доктор сказал:

— Ничего серьезного. Он не хотел себя убить. Это, скорее, такой своеобразный крик о помощи. В больнице ему делать нечего — с такими поверхностными порезами вы и сами прекрасно справитесь. Да и нам нагрузки меньше. Прежде у нас в травматологии дюжина медсестер работала, а теперь весь корпус хотят закрыть. Передать в коммунальную собственность.

Доктор Скейтлок был рыжий и высокий, ростом с Тень, но тощий и не такой мускулистый. Чем-то он смахивал на хозяина паба, и Тень лениво подумал — уж не родственники ли они? Доктор между тем выписал несколько рецептов, и Мойра вручила их Тени вместе с ключами от старенького белого «Ренджровера».

Тень доехал до соседней деревни и отыскал аптеку. Аптекарша пошла собирать заказ, а Тень, не зная куда себя девать, неловко застыл перед ярко освещенной стойкой с солнцезащитными лосьонами и кремами, которые этим холодным, дождливым летом были никому не нужны.

— Мистер Американец? — раздался у него из-за спины женский голос. Тень обернулся и сразу узнал эти темные, коротко стриженные волосы и оливково-зеленый свитер — тот же, в котором эта женщина вчера была в пабе.

— Полагаю, да, — ответил он.

— Прошел слух, что вы остались помогать Мойре, пока Олли нездоровится.

— Быстро же у вас разносятся слухи.

— Быстрее света, — подтвердила женщина и представилась: — Кэсси Бергласс.

— Тень Лун.

— Хорошее имя, — улыбнулась она. — Прямо

мурашки по коже. Ну, если уж ты тут застрял, советую подняться на Воданов холм. Это сразу за деревней. По дороге вверх до развилки, а там налево и прямо до самой вершины. Оттуда прекрасный вид. И никаких толп. В общем, налево, а потом все время вверх, не ошибешься.

И она снова улыбнулась — тепло, даже ласково. Впрочем, возможно, в этом не было ничего, кроме простого радушия.

— Кстати, ничего удивительного, что ты еще здесь, — продолжала Кэсси. — Если это местечко в тебя вцепится, вырваться трудно. — Она внимательно посмотрела Тени прямо в глаза, как будто пыталась понять, что он за человек. — Думаю, миссис Патель уже собрала заказ. Приятно было поболтать, мистер Американец.

IV

Поцелуй

Тень помогал Мойре. Он сходил в сельский магазин и купил все необходимое по списку. Потом снова завел «Ренджровер» и съездил в соседнюю деревню. Мойра оставалась дома: то писала что-то за кухонным столом, то молча топталась в коридоре под дверью спальни. За все время она

не произнесла и пары фраз. Оливер время от времени выходил из спальни, шаркая, добредал до ванной и возвращался обратно. С Тенью он не заговаривал.

В доме стояла тишина. Тени вдруг представилось, как черный пес распластался на крыше, навалился своим огромным телом на дом, отрезая его обитателей от солнечного света, а заодно и от всех ощущений и чувств, от самой правды жизни. Как будто кто-то выкрутил звук на минимум и от всех красок оставил только белую и черную. Тени хотелось поскорее оказаться где-нибудь в другом месте, но бросить Мойру и Оливера он не мог. Он сидел на кровати в своей комнатушке, таращился в окно, на дождь, снова барабанивший по подоконнику, и чувствовал, как безвозвратно утекают секунды его жизни.

Было сыро и холодно, и только на третий день наконец выглянуло солнце. Теплее не стало, но Тень попытался стряхнуть с себя серое наваждение и посмотреть, наконец, местные достопримечательности. Он направился в соседнюю деревню пешком, через поля, по глухим тропам и вдоль длинной каменной стены, сложенной насухую. По дороге ему попался узкий ручей с мостом шириной в одну досточку, но Тень

просто перемахнул на другой берег прыжком. Петляя и местами пропадая в густой траве, тропа поднималась в гору; у подножия холма росли дубы и боярышник, платаны и буки, но потом деревья стали попадаться реже. Наконец, Тень добрался до места, которое так и манило присесть и отдохнуть, — вроде крошечной полянки недалеко от вершины холма. Он обернулся и обвел взглядом зеленые пятна долин, окаймленные серыми холмами, — точь-в-точь картинка из детской книжки.

А потом он заметил, что он тут не один. На склоне холма, удобно устроившись на сером валуне, сидела темноволосая, коротко стриженная женщина и что-то рисовала в альбоме. За спиной у нее высилось дерево, защищавшее от ветра. Женщина была в зеленом свитере и синих джинсах, и Тень узнал Кэсси Бергласс еще до того, как увидел ее лицо.

Он подошел ближе, и Кэсси подняла голову.

— Что скажешь? — спросила она, показывая рисунок в альбоме — уверенный карандашный набросок окрестного пейзажа.

— Замечательно. Ты профессионально рисуешь?

— Да так, калякаю помаленьку.

Тень уже достаточно наобщался с англичанами, чтобы понять, что это может означать одно из двух: или она и вправду всего лишь калякает, или ее работы регулярно выставляют в Национальной галерее или в «Тейт Модерн».

— Тебе тут не холодно сидеть в одном свитере? — спросил он.

— Холодно, — кивнула она. — Но я привыкла. Мне не мешает. Как там Олли?

— Пока неважно, — ответил Тень.

— Бедняга, — сказала Кэсси, переводя взгляд с альбомной страницы на склон холма и обратно. — Хотя, честно сказать, мне его не жалко.

— Почему? Он что, замучил тебя до смерти своими любопытными фактами?

Кэсси рассмеялась негромким, гортанным смехом.

— Ты что, принципиально не слушаешь местные сплетни? Олли и Мойра бросили своих прежних партнеров, когда познакомились.

— Это я знаю. Они мне сами сказали. — Тень на секунду задумался. — Значит, он прежде был с тобой?

— Нет, не он. *Она*. Мы были вместе с самого колледжа. — Кэсси умолкла и принялась заштриховывать какую-то деталь рисунка, скребя

карандашом по бумаге. — Ну что, попробуешь меня поцеловать? — внезапно спросила она.

— Я… м-м-м… м-м-м… я… — опешил Тень, а потом честно сказал: — Я об этом не думал.

— Ну так подумай, черт побери! — Кэсси повернулась к нему с улыбкой. — Я ведь сама позвала тебя сюда, на Воданов холм, и ты пришел. Это вроде как свидание. — Она снова уставилась в альбом, на зарисовку холма. — Говорят, когда-то тут творились всякие темные дела. Темные и непристойные. И я подумала — отчего бы и мне не учинить кое-что непристойное? С постояльцем Мойры.

— Чтобы ей отомстить?

— При чем тут месть? Просто ты мне нравишься. А в наших краях не осталось больше никого, кто бы хотел меня. В смысле, как женщину.

Последняя женщина, которую Тень целовал, осталась в Шотландии. Он подумал о ней и о том, во что она превратилась под конец.

— Ты ведь настоящая, да? — спросил он. — То есть… настоящий человек? Я имею в виду…

Кэсси отложила альбом на камень и встала.

— Поцелуй меня — и узнаешь, — сказала она.

Тень все никак не мог решиться.

Кэсси вздохнула и поцеловала его сама.

На холме было холодно, и губы у Кэсси тоже оказались холодные, но очень мягкие. Когда она коснулась его языка своим, Тень разорвал поцелуй.

— Я ведь совсем тебя не знаю, — сказал он.

Она тоже отстранилась и посмотрела ему в глаза.

— Знаешь, — возразила она. — Я столько дней мечтала лишь о том, что появится кто-нибудь, кто посмотрит на меня и увидит меня настоящую! А потом я отчаялась и перестала мечтать. И тут появился ты — американец с диковинным именем. Ты посмотрел на меня, и понял, что ты меня видишь. А все остальное неважно.

Тень все еще держал ее за плечи, обтянутые мягким свитером.

— Сколько ты еще тут пробудешь? Я имею в виду, в наших краях? — спросила она.

— Несколько дней. Пока Оливер не поправится.

— Жаль. Почему бы тебе не остаться навсегда?

— Прошу прощения? — Тени показалось, что он ослышался.

— Ничего-ничего, мой хороший. Ты ни в чем не виноват. Посмотри-ка вон туда — видишь вход?

Тень обвел взглядом склон, но не понял, куда

именно она указывает. Он не видел ничего, кроме ковра диких трав да редких низкорослых деревьев, среди которых то там, то сям попадались остатки каменных стен. Тогда Кэсси подняла свой альбом и показала рисунок. Там был изображен какой-то темный силуэт, вроде арки, черневший среди зарослей утесника.

— Теперь видишь?

Тень перевел взгляд с нарисованного склона на настоящий — и на этот раз увидел мгновенно.

— Что это? — спросил он.

— Врата ада, — торжественно ответила Кэсси.

— А-а… угу…

— Так их тут называют, — с усмешкой пояснила она. — Когда-то здесь был римский храм или что-то еще более древнее. Но теперь осталось только вот это. Можешь посмотреть поближе, если тебя интересуют такие штуки. Хотя ничего особенного там нет: просто короткий туннель. Я все надеюсь, что приедут археологи, устроят раскопки, составят каталог находок… Но пока их что-то не видно.

Тень снова уставился на рисунок.

— Ну и что же тебе известно о больших черных псах? — спросил он.

— Вроде того, что в Чертовом переулке?

Тень кивнул.

— Говорят, раньше этот призрак бродил тут повсюду, но теперь, кроме Чертова переулка, его нигде не встретишь. Доктор Скейтлок сказал однажды, что это память предков. Призрачные псы — это все, что осталось от Дикой Охоты, а та, в свой черед, происходит от Фреки и Гери, охотничьих волков Одина. Но я думаю, корни уходят еще дальше в прошлое. Во времена пещерных людей. И друидов. Память о том, что рыщет в ночи за границей освещенного круга — и разорвет тебя на части, если ты посмеешь в одиночку отойти от костра слишком далеко.

— Так ты видела этого пса или нет?

Кэсси покачала головой:

— Нет. Я пыталась выяснить, что это за существо, но так ни разу его и не видела. Потому я и говорю — то ли выдумка, то ли нет. А ты его видел?

— Точно не знаю. Вряд ли. Но может быть…

— Может, это ты его разбудил, когда пришел сюда. Меня-то ты разбудил.

Она обхватила его руками за шею, заставляя наклонить голову, и снова поцеловала. А потом взяла его левую руку, такую огромную в ее ладошке, и сунула себе под свитер.

— Кэсси, у меня холодные руки, — предупредил он.

— Ничего страшного, я сама вся холодная. Тут, наверху, всегда холодно. Так что давай улыбнись и сделай вид, будто ты знаешь, что делаешь. — И она подтолкнула руку Тени повыше, пока ладонь его не легла на кружевную чашечку бюстгальтера. Сквозь кружево он ощутил мягкую округлость груди и твердую горошину соска.

Тень уже готов был поддаться, хотя все еще колебался. Отчасти ему было неловко, а отчасти он просто не понимал, как относиться к этой женщине. Какая-то нерадостная история связывала ее с людьми, давшими ему приют, и Тень опасался, что его используют, а этого он не любил: слишком уж часто с ним такое случалось в прошлом. Но левая рука его уже касалась ее груди, а правая нежно легла на затылок, и губы сами подались навстречу ее губам, и Кэсси прижалась к нему так тесно, словно хотела слиться с ним в одно существо. Губы ее были на вкус словно мята, и камень, и трава, и прохладный вечерний ветер. Тень закрыл глаза и на миг забылся в наслаждении.

Внезапно Кэсси замерла. Где-то неподалеку мяукнула кошка. Тень открыл глаза.

— Господи Иисусе… — пробормотал он.

Со всех сторон их окружали кошки. Белые и полосатые, бурые, рыжие и черные кошки, пушистые и короткошерстные. Сытые домашние коты в блестящих ошейниках и бродячие хулиганы с драными ушами. И все они стояли неподвижно, глядя на Тень и Кэсси круглыми глазами — зелеными, голубыми, золотистыми. Если бы то одна, то другая кошка не смаргивала время от времени или не поводила хвостом, можно было подумать, что это чучела.

— Как странно, — пробормотал Тень.

Кэсси отступила на шаг, и он опустил руки.

— Они за тобой пришли? — спросила она.

— Да нет, что ты. Это просто кошки.

— По-моему, они ревнуют, — сказала Кэсси. — Ты только посмотри на них! Я им не нравлюсь.

— Какие… — Тень уже хотел произнести слово «глупости», но вдруг до него дошло, что Кэсси, быть может, права. Далеко за морем — и в далеком прошлом — была одна женщина… одна богиня, которая заботилась о нем — по-своему, конечно, но все же… Тень еще помнил острые иглы ее ногтей и шероховатый, как у кошки, язык.

Кэсси бесстрастно посмотрела ему в лицо.

— Не знаю, кто ты, мистер Американец, — ска-

зала она. — Не понимаю, почему ты можешь видеть меня такой, как я есть. И почему мне так легко с тобой говорить, хотя с другими людьми — очень трудно. Не понимаю почему, — но это так. И знаешь что? Хоть ты и совсем обычный и спокойный с виду, но на самом-то деле ты куда страннее, чем я. А я, знаешь ли, странная до чертиков.

— Не уходи, — попросил Тень.

— Передай Олли и Мойре, что ты со мной видел-ся, — сказала Кэсси. — Передай, что я буду ждать на том месте, где мы говорили в последний раз, если они захотят что-нибудь сказать мне. — Она подобрала с камня альбом и карандаши и быстрым шагом двинулась прочь, переступая через кошек. Кошки не удостоили ее и взглядом — они по-прежнему неотрывно смотрели на Тень. А Тень стоял и смотрел, как за спиной у Кэсси колышется высокая трава и качаются на ветру ветви деревьев.

Он хотел было окликнуть ее, попросить вернуться, но вместо этого присел на корточки перед кошками и негромко спросил:

— Что это значит? Это ты, Баст? Далеко же ты забралась от дома. Разве тебе до сих пор не все равно, с кем я целуюсь?

Как только он заговорил, чары рассеялись. Кошки зашевелились, начали поглядывать по сторонам, ходить кругами, сосредоточенно вылизываться. Одна, черепаховая, требовательно толкнулась головой в его руку, и Тень рассеянно потер ей лобик костяшками пальцев. Не успел он и глазом моргнуть, как крошечные кривые кинжалы ее когтей взметнулись и полоснули его по руке до крови. Кошка довольно мурлыкнула, отвернулась и побежала прочь — а вслед за ней потянулись и остальные, резво перебирая лапами и одна за другой исчезая за камнями и в зарослях трав. В считаные секунды склон опустел.

V

Живые и мертвые

Вернувшись домой, Тень обнаружил, что Оливер наконец выбрался из спальни и сидит на кухне с чашкой чая в одной руке и книжкой по римской архитектуре — в другой. Одет он был вполне прилично для дома — в пижамные штаны и клетчатый халат. Более того, он успел побрить подбородок и подровнять бакенбарды.

— Мне вроде немного полегчало, — сообщил он при виде Тени и тут же спросил: — А у тебя

такое когда-нибудь бывало? Ну, депрессия или вроде того?

— Пожалуй, что да, — ответил Тень. — Когда моя жена умерла. Все стало пустым и плоским. Как будто вся жизнь потеряла смысл.

Оливер кивнул:

— Нелегко, да. Иногда мне кажется, что этот черный пес настоящий. Я лежу в постели и думаю о той картине Фюсли — ну, знаешь, где ночной кошмар сидит у спящей девушки на груди. Как Анубис. Или это Сет? Такая большая черная тварь. Кстати, а Сет вообще кто был? Что-то вроде осла?

— Никогда не сталкивался с Сетом, — пожал плечами Тень. — Когда я родился, его уже не было.

Оливер рассмеялся.

— Очень смешно. А еще говорят, мол, у вас, американцев, нет чувства юмора. — И, помолчав, добавил: — Ну да ладно. Все уже позади. Я, кажется, оклемался. Готов выйти в мир. — Он отхлебнул чаю. — Правда, мне теперь как-то неловко. Стыдно за всю эту чушь. Но с собакой Баскервилей покончено.

— Тут нечего стыдиться, — заметил Тень, а про себя подумал, что этих англичан хлебом не корми — дай только постыдиться всласть.

— Ну-у… знаешь, это и правда глупо. И мне уже действительно гораздо лучше.

Тень кивнул:

— Ну, раз такое дело, мне, пожалуй, пора собираться. Двинусь дальше на юг.

— Не торопись, — попросил Оливер. — Хорошая компания на дороге не валяется. Мы с Мойрой на самом деле редко выбираемся на люди. Разве что в паб, но это развлечение так себе.

Мойра вернулась из сада.

— Секатор никто не видел? — спросила она. — Я знаю, он точно где-то тут. Никогда не помню, что куда положила.

Тень покачал головой: он и не знал, как выглядит секатор. Он подумал, не рассказать ли о кошках на холме, но не нашел слов, чтобы передать, как все это было странно, а потому просто брякнул первое, что пришло на ум:

— А я сегодня встретил Кэсси Бергласс на Водановом холме. Она мне показала Врата ада.

Мойра и Оливер молча уставились на него. Воцарилась неловкая тишина.

— Она их рисовала, — добавил Тень.

— Ничего не понимаю, — процедил Оливер, не сводя с него глаз.

— Ну, я с ней и до того пару раз встречался, —

попытался объяснить Тень.

— Что ты такое несешь? — вспыхнула Мойра. — Как ты смеешь? Да кто ты такой вообще?

— Я?.. Я никто, — опешил Тень. — Она сама со мной заговорила. Сказала, что раньше вы с ней вроде как были вместе.

Мойра посмотрела на него так, словно хотела влепить ему пощечину, но все-таки взяла себя в руки:

— Когда мы расстались, она отсюда уехала. А расстались мы по-плохому. Она очень обиделась. И вела себя просто отвратительно. А потом просто взяла и уехала посреди ночи. Насовсем.

— Я не желаю говорить об этой женщине, — тихо произнес Оливер. — Ни сейчас, ни вообще.

— Слушайте, она же была вместе с нами в пабе! — напомнил Тень. — Ну, тем вечером, когда мы с вами познакомились. И вам это вроде как не мешало.

Мойра снова уставилась на него, как на сумасшедшего, но промолчала, хотя что-то явно вертелось у нее на языке. А Оливер только потер лоб и пробормотал:

— Я ее не видел.

— Ну, так или иначе, сегодня она передавала вам обоим привет, — сообщил Тень. — Она сказа-

ла, что готова с вами встретиться, если вы хотите с ней поговорить.

— Нам не о чем с ней говорить! — отрезала Мойра. Щеки ее раскраснелись, глаза блестели от подступивших слез. — Я просто поверить не могу, что эта долбаная тварь опять суется в нашу жизнь — после всего, через что нам пришлось пройти по ее милости!

Тень подумал, что Мойре и хотелось бы выразиться покрепче, но ругаться она то ли не привыкла, то ли стеснялась.

Оливер отложил книгу.

— Прошу прощения, но что-то мне нехорошо.

С этими словами он поднялся, ушел в спальню и закрыл за собой дверь.

Мойра машинально взяла со стола его кружку, выплеснула в раковину остатки чая и включила воду.

— Ну что, доволен? — процедила она сквозь зубы, оттирая кружку белой пластиковой мочалкой так яростно, как будто пыталась соскрести с фарфора рисунок — сельский домик в стиле Беатрис Поттер. — А ведь он только-только пошел на поправку!

— Да я и понятия не имел, что он из-за этого так расстроится! — возразил Тень и тут же почув-

ствовал себя дураком. Он ведь знал, что между Кэсси и приютившей его парой произошло что-то неприятное. Можно было просто ничего не говорить. Молчать всегда безопаснее.

Мойра вытерла кружку насухо кухонным полотенцем — зеленым, как трава, с белыми пятнами в форме мультяшных овечек. Так и застыв с полотенцем и кружкой в руках, она прикусила губу, и по щекам ее наконец покатились слезы.

— Она обо мне что-то говорила?

— Только что вы с ней были парой.

Мойра кивнула и тем же забавным кухонным полотенцем промокнула лицо — то ли молодое, то ли старое: Тень все никак не мог понять, сколько же ей лет.

— Когда у нас с Олли все началось, она не смогла это принять. В конце концов она просто бросила тут все, заперла квартиру и уехала в Лондон. — Мойра громко высморкалась в полотенце. — Ну да ладно. Не мне ее судить. Каждый сам кузнец своей судьбы. А Олли — *хороший* человек. Просто иногда на него находит. У моей матери тоже была депрессия. Это нелегко.

— Боюсь, я еще подлил масла в огонь, — сокрушенно вздохнул Тень. — Мне, наверное, лучше уйти.

— Да куда же ты пойдешь на ночь глядя? Подожди до завтра. И вообще… я тебя не гоню. Ты же не виноват, что столкнулся с этой женщиной, — добавила она и внезапно вскинула голову. — Ах, вот он где! На холодильнике! — Она протянула руку и сняла с холодильника какой-то инструмент, похожий на садовые ножницы, только очень маленький. — Секатор, — пояснила она. — Для розовых кустов.

— Ты с ним поговоришь?

— Нет. — Мойра покачала головой и ссутулилась. — С Олли об этом говорить бесполезно. Особенно сейчас. Он в таком состоянии, что от разговоров о Кэсси ему может стать совсем худо. Так что пусть уж как-нибудь справляется сам.

Тем вечером Тень поужинал в пабе, в задней комнате. За столиком он сидел один, и никаких знакомых в зале не заметил; только сушеная кошка скалилась на него из стеклянного ящика. Потом перекинулся парой слов с хозяином, спросившим, как ему живется у них в деревне, и побрел обратно тем же путем, что и в первую ночь: мимо старого платана — того самого висельного дерева — и через Чертов переулок. Ярко светила луна, но на сей раз Тень не заметил в полях никого: ни осла, ни собаки.

В доме было темно. Тень на цыпочках прокрался в свою спальню и упаковал рюкзак, чтобы наутро можно было встать и сразу отправиться в путь.

Потом он лег и уставился в освещенный луной потолок. Он вспомнил, как стоял в пабе у стойки, а Кэсси Бергласс стояла рядом с ним. Вспомнил свой разговор с хозяином паба и вообще все разговоры, что велись в тот первый вечер. Вспомнил кошку в стеклянном ящике. И сон как рукой сняло.

Когда было нужно, Тень мог двигаться совершенно бесшумно. Он встал со своей узкой кровати, оделся и, держа ботинки в руке, раскрыл окно. Перекинул ноги через подоконник, спрыгнул на клумбу и беззвучно перекатился по мягкой земле. Поднялся, обулся и зашнуровал ботинки: света на это хватило. Луна была почти полная и отбрасывала тени.

Тень выбрал место потемнее у самой стены и застыл в ожидании.

Стоя там, он спрашивал себя, не валяет ли он дурака. Вполне возможно, он ошибался. Может быть, память его подвела или он что-то не так понял. Поразившая его догадка казалась невероятной — но, с другой стороны, Тень и прежде

сталкивался с невероятными вещами, а если он и ошибся, что он теряет? Какие-то жалкие несколько часов сна?

Через лужайку пробежала лисица. Потом из темноты появилась белая кошка, крадущаяся по следу какого-то мелкого грызуна. Подобравшись к жертве вплотную, она нанесла смертельный удар и выпрямилась с гордым видом. Еще несколько кошек одна за другой прошествовали по стене, ограждавшей сад. Ласка проскакала по клумбе, скользя из тени в тень. Созвездия в небе медленно смещались, отмеряя ход времени.

Парадная дверь открылась, и из дому вышел человек. Тень ожидал увидеть Мойру, но это оказался Оливер — в толстом тартановом халате поверх пижамы и в высоких сапогах он выглядел немного нелепо, словно пациент больницы из старого черно-белого фильма или персонаж какой-то пьесы. В лунном свете мир утратил краски.

Оливер тихонько захлопнул за собой дверь и направился к выходу из сада, но не по хрусткой дорожке, усыпанной гравием, а по траве. Он шел уверенно, не оборачиваясь и не глядя по сторонам. Прежде чем двинуться следом, Тень подождал, пока Оливер дойдет почти до конца

переулка. Потерять его из виду он не боялся: Тень точно знал, куда Оливер держит путь. И куда нужно идти ему самому. Все было как во сне — и Тень действовал с той же уверенностью, с какой сновидец знает наперед, что будет дальше. Так что он совершенно не удивился, когда на полпути наверх по Воданову холму увидел, что Оливер поджидает его, устроившись на пеньке. С восточного края небо уже начинало светлеть.

— Врата ада, — произнес коротышка. — Насколько я знаю, их так всегда называли. С давних-предавних пор.

Дальше они пошли вместе — вверх по петляющей тропе. Было что-то великолепно комичное в этом маленьком человечке, облаченном в полосатую пижаму и черные резиновые сапоги на пару размеров больше, чем нужно. Тень смотрел на своего спутника, и сердце гулко бухало у него в груди.

— Как ты ее сюда дотащил? — спросил он Оливера.

— Кэсси? Я ее не тащил. Она сама предложила встретиться здесь, на холме. Она часто приходила сюда рисовать. Отсюда такой прекрасный обзор. К тому же здесь святое место, и ей это всегда нравилось. Святое, конечно, не для христиан. Для

них-то — наоборот. А вот для тех, кто держался старой веры…

— Друиды? — спросил Тень. Какие еще старые религии были здесь, в Англии, он точно не знал.

— Может быть. Определенно, этого нельзя исключать. Но, по-моему, это та вера, что была еще до друидов. От нее и названия-то не осталось. Просто обычаи, которым здешние люди следовали всегда, во что бы еще они ни верили. Друиды, скандинавские язычники, католики, протестанты — все это было лишь на словах. А старая вера — это то, что надо делать, чтобы не погиб урожай, чтобы член стоял твердо и чтобы властям не вздумалось проложить свое треклятое шоссе через все эти природные красоты. Врата стоят прочно, и холм стоит, а значит, и будет стоять и деревня, и все вокруг. Этой вере куда больше двух тысяч лет. И с таким могуществом шутки плохи.

— Мойра не знает, да? — спросил Тень. — Она подумала, что Кэсси просто уехала.

Полоса света на востоке ширилась, но над головой небо все еще сверкало звездами, а на западе было черным-черно.

— А что еще она могла подумать? С какой стати ей что-то подозревать? Другое дело, если бы заинтересовалась полиция… но это было ма-

ловероятно… В общем, это место хорошо себя защищает. Этот холм. И врата.

Впереди на склоне холма показалась полянка. Оливер и Тень прошли мимо камня, на котором Кэсси сидела накануне со своим альбомом и карандашами. До вершины было уже недалеко.

— А этот черный пес в Чертовом переулке… — начал Оливер. — Думаю, никакая это не собака. Но это существо там уже так давно… — Он достал из кармана халата маленький светодиодный фонарик. — Ты правда говорил с Кэсси?

— Да, и даже целовался.

— Странно.

— В первый раз я ее увидел в пабе, тем же вечером, когда познакомился с тобой и Мойрой. Это-то и навело меня на мысль. Ведь Мойра вчера говорила так, будто не виделась с Кэсси уже несколько лет. И очень удивилась, когда я заговорил о ней. Но я тебя уверяю: тем вечером Кэсси стояла прямо рядом со мной и говорила с нами. Вчера я спросил в пабе, не заходила ли Кэсси, — и никто не понял, о ком я спрашиваю. А ведь вы, местные, все друг друга знаете. Вот я и подумал, что только так и можно свести концы с концами. Только так становится понятно, о чем она говорила на самом деле. И все остальное.

Оливер остановился в нескольких шагах от места, которое Кэсси назвала Вратами ада.

— А я-то думал, все будет просто. Я отдам ее холму, и она оставит нас в покое. Отстанет, наконец, от Мойры. Интересно, как же ей удалось тебя поцеловать?

Тень не ответил.

— Это здесь, — сказал Оливер. Тень увидел нечто вроде короткого каменного коридора, уводящего в глубь холма. Возможно, давным-давно перед входом стояла какая-то постройка, но за много веков ветер и дождь сровняли ее с землей, и холм вернул себе камни, из которых она была сложена.

— Кое-кто сказал бы, что я служу дьяволу, — продолжал Оливер. — Но, по-моему, они ошибаются. Впрочем, что для одного человека — бог, то для другого — дьявол, разве нет?

Он вошел в коридор, и Тень последовал за ним.

— Брехня собачья, — раздался женский голос. — Впрочем, ты всегда был брехуном, Олли, трусливый ты кусок дерьма,

Оливер и ухом не повел: очевидно, он ничего не слышал.

— Она тут, — сообщил он. — В стене. Тут я ее оставил.

Он направил фонарик на стену и принялся внимательно осматривать каменную кладку, словно отыскивая известные только ему приметы. Потом довольно хмыкнул, достал из кармана какой-то складной инструмент, привстал на цыпочки и выковырял из верхней части кладки один маленький камешек. После этого дело пошло споро: уверенными движениями Оливер принялся вынимать камень за камнем, чередуя крупные и мелкие — похоже, разбирать кладку тоже надо было в определенном порядке.

— Давай, помогай, — вскоре велел он Тени.

Тень прекрасно знал, что он увидит за стеной, но все равно подошел к Оливеру и тоже начал вынимать камни и укладывать их на землю.

Запах он почувствовал сразу, а когда дыра в стене расширилась, завоняло еще сильнее — старой гнилью и плесенью. Так пахнут сэндвичи с мясом, если перележат на жаре. Кладку начали разбирать сверху, так что первым делом из-за стены показалось лицо, но Тень даже не сразу понял, что это такое. Щеки ввалились, глазницы опустели, различить веснушки на потемневшей и сморщившейся коже было невозможно. Но волосы Тень узнал — короткие, темные волосы Кэсси Бергласс. А потом луч фонарика скользнул

ниже, и Тень увидел знакомый оливково-зеленый свитер и синие джинсы.

— Занятно. Я знал, что она по-прежнему здесь, — проговорил Оливер, — но все-таки должен был проверить. После всех этих твоих разговоров, понимаешь? Я должен был увидеть ее. Убедиться, что она еще здесь.

— Убей его, — потребовал женский голос. — Ударь его камнем, Тень. Он убил меня. А теперь хочет убить и тебя.

— Ты хочешь убить меня? — спросил Тень.

— Ну конечно! А как иначе? — рассудительно ответил коротышка. — Ты ведь теперь знаешь про Кэсси. А когда тебя не станет, я, наконец, смогу обо всем этом забыть навсегда.

— Забыть?

— Простить и забыть. Хотя это нелегко. Я имею в виду, нелегко простить себя за такое. Но забыть я смогу, это точно. Ну, давай, залезай. Места тут еще достаточно. Тебе хватит, если не будешь растопыриваться.

Тень с любопытством посмотрел на него с высоты своего роста.

— Слушай, Олли, мне просто интересно, как ты собираешься заставить меня туда залезть? Пистолета у тебя нет. И вообще, ты же вдвое меньше

меня! Мне ничего не стоит свернуть тебе шею.

— Я не дурак, — сказал Оливер. — И не такой уж и плохой человек. Не скажу, что я такой уж хороший, но все-таки не злодей. Так, серединка на половинку. Я сделал то, что сделал, не удовольствия ради, а просто из ревности. Но все равно я бы сюда не пришел, будь я один. Это ведь храм Черного Пса, ты понимаешь? Такие места, как это, — самые первые храмы. Те, что были до всех этих стоунхенджей и стоячих камней. И тем, кто в них обитал, люди поклонялись и приносили жертвы. Их боялись. Их молили о пощаде. Всех этих черных псов, понимаешь? Тех, что предвещают смерть, и похищают души, и бегают с Дикой Охотой. Они были здесь испокон веков — и они до сих пор стоят на страже.

— Ударь его камнем, — снова раздался голос Кэсси. — Давай же, не тяни! Прошу тебя, Тень, пожалуйста!

Коридор, в котором они стояли, вдавался в склон неглубоко — эдакая рукотворная пещерка, облицованная камнем. На древний храм было совсем непохоже. Да и на врата преисподней, если уж на то пошло. Силуэт Оливера чернел на фоне предрассветного неба. Как всегда мягким, неизменно вежливым голосом коротышка произнес:

— Он — во мне. А я — в нем.

Черный пес перегородил входной проем, отрезая путь наружу. Тень сразу понял, что эта тварь — не настоящая собака. Глаза ее светились в темноте зеленоватым гнилушечным огнем. Волк в сравнении с нею показался бы таким же маленьким и безобидным, как рысь — рядом с тигром. Совершенный хищник, воплощенная опасность и угроза, пес возвышался над Оливером на полголовы. Он уставился на Тень и испустил низкий, рокочущий рык. А потом прыгнул.

Тень вскинул руку, защищая горло, и зубы пса вонзились глубоко в его плоть, чуть ниже локтя. Боль была чудовищная. Тень понимал, что надо бороться, надо дать отпор, но тело его не слушалось. Он рухнул на колени и протяжно закричал, не в силах сосредоточиться ни на чем, кроме собственного страха — страха, что пес сейчас перекусит ему руку… что он, Тень, для этой твари — всего лишь беззащитный корм.

Где-то в глубине души он подозревал, что весь его страх — только морок, наведенный тем же псом. Этот уничтожающий, обессиливающий ужас был ненастоящий. Но легче от этого не стало. Когда пес, наконец, отпустил его руку, Тень уже рыдал в голос и трясся всем телом.

— Давай, Тень, залезай, — велел Оливер. — Через этот пролом. Да поживее, а не то я прикажу ему отведать, каково на вкус твое лицо.

Из раны на руке хлестала кровь, но Тень послушно поднялся и протиснулся в темную дыру в стене. Если остаться здесь, с этим зверем, он умрет очень быстро — и мучительно. Это был такой же непреложный факт, как то, что завтра утром снова взойдет солнце.

— Ну да, конечно, — прозвучал у него в голове голос Кэсси. — Оно-то взойдет. Но ты его уже не увидишь, если сейчас же не возьмешь себя в руки.

Полость в стене была тесная: места рядом с телом Кэсси оставалось немного. Тень посмотрел в лицо трупа, искаженное болью и яростью, как у той кошки в стеклянном ящике, и понял, что Кэсси тоже была еще жива, когда ее замуровали.

Оливер подобрал камень с земли и положил его поверх нетронутой части кладки.

— Раньше я думал, — проговорил он, поднимая второй камень и укладывая его рядом, — что это доисторический ужасный волк, *Canis dirus*. Но даже ужасные волки не вырастали до таких размеров. Возможно, это чудовище из наших снов о тех давних временах, когда мы ютились в пещерах.

Возможно, это самый обычный волк, — просто мы тогда были мельче. Маленькие гоминиды, слишком неповоротливые и медленные, чтобы спастись бегством.

Тень привалился к сплошной скале у себя за спиной и крепко сжал левую руку правой, пытаясь остановить кровь.

— Это — Воданов холм, — произнес он. — И Воданов пес. Я бы на твоем месте не стал с ним связываться.

— Это все неважно.

Оливер продолжал методично укладывать камни, и стена понемногу росла.

— Послушай, Олли, — сказал Тень, — этот зверь тебя убьет. Он уже забрался к тебе внутрь. Это нехорошо.

— Старый Черт не сделает мне ничего плохого. Он меня любит. Кэсси давно уже тут, в стене… — Оливер с размаху опустил очередной камень, и тот громко стукнул, вставая на место. — А теперь и ты тут, вместе с ней. Никто тебя не ждет. Никто не приедет тебя искать. Никто о тебе не заплачет. Никто не станет скучать о тебе.

И тут Тень осознал, что на самом деле здесь, в этой тесной дыре за неумолимо растущей стеной, их не двое, а трое. И даже четверо — считая его

самого. Кэсси Бергласс присутствовала здесь не только телом (разложившимся, высохшим и все еще воняющим гнилью), но и душой, а кто-то четвертый терся об его ноги. А потом мягко толкнулся головой в раненую руку и заговорил. Тень узнал этот голос — вот только акцент был незнакомый.

Таким голосом могла бы заговорить кошка, если бы превратилась в женщину, — выразительным, глубоким, певучим.

– *Тебе нельзя здесь оставаться, Тень*, — произнес голос. — *Прекрати это. Соберись и действуй. Ты позволяешь миру решать за тебя, а это никуда не годится.*

— Это неправда, Баст, — возразил Тень вслух. — То есть не совсем правда.

— Сиди тихо, — не повышая голоса, приказал Олли. — Не вздумай шуметь.

Камни ложились друг на друга все быстрее; стена поднялась Тени уже до груди.

— *Мр-р-р. Ты так думаешь, мой хороший? На самом деле ты просто не понимаешь. Ты понятия не имеешь, кто ты и что ты. И что все это значит. Если он тебя замурует и ты здесь умрешь, этот храм будет стоять вечно — и вся эта всячина, в которую верят местные, будет ра-*

ботать и творить для них чудеса. Но солнце для них все равно закатится, и небо станет серым навеки. Мир изменится к худшему — для людей и для кошек, для тех, кого помнят, и для тех, кого позабыли. Ты уже умирал — и вернулся. Ты — не пустое место, Тень. И ты не должен умереть здесь и так — жалкой, беспомощной жертвой, заточенной в глубинах холма.

— Ну и что ты предлагаешь делать? — шепотом спросил он.

— Сражайся. Этот зверь соткан из вещества наших мыслей. И свою силу он черпает из тебя, Тень. Когда ты оказался рядом, он стал более плотным. Более реальным. Настолько реальным, что смог завладеть Оливером. И даже ранить тебя.

— Что значит «даже»?

– Ты думаешь, призраки могут говорить с кем попало? — донесся из темноты возмущенный голос Кэсси. *— Мы — мотыльки. А ты — пламя.*

— Ну так что же мне делать? — спросил Тень. — Он укусил меня за руку. Он, черт побери, чуть не вырвал мне горло!

– Брось, мой хороший. Это всего лишь дитя теней. Просто ночной пес. Шакал-переросток.

— Он настоящий, — упрямо вымолвил Тень,

и в тот же миг последний камень со стуком лег на место.

– Неужели ты и вправду боишься пса своего отца? — спросил женский голос, Тень не понял чей — богини или призрака. Но ответ все равно был один. Да. Да, он боялся.

Левая рука не слушалась и горела, как в огне, от кисти до плеча, а правая была скользкой и липкой от крови. Тень скорчился в тесном закутке между каменной кладкой и сплошной скальной стеной. Но, по крайней мере, он пока что был жив.

— Соберись, — сказала Кэсси. — Я ведь не сдавалась. Я тогда сделала все, что могла. Вот и ты сделай.

Тень уперся спиной в скалу и поджал ноги. А потом выбросил их вперед одним мощным толчком. На нем были тяжелые ботинки, и за последние несколько месяцев он прошагал немало миль. Он был крупным и сильным, сильнее многих. И всю свою силу он вложил в этот удар.

Стена рухнула.

Зверь, черный пес отчаяния, тотчас ринулся вперед, но на сей раз Тень был готов. На сей раз он напал первым.

Я не стану псом своего отца.

Правой рукой Тень крепко держал пса за

морду, не давая разжать челюсти. «А ведь и верно, — подумал он, глядя в зеленые светящиеся глаза. — Никакой это не пес».

– *Уже светает*, — сказал он псу, не вслух, а мысленно. — *Беги отсюда. Кто бы ты ни был — беги. Беги обратно к своей висельной клетке, беги на свою могилу, песик-призрак. Все, на что ты способен, — это вгонять нас в тоску, застить мир тенями и мороками. Те времена, когда ты бегал с Дикой Охотой и держал людей в страхе, давно прошли. Не знаю, вправду ли ты пес моего отца. Может, и так. Но знаешь что? Мне плевать*.

И с этими словами Тень сделал глубокий вдох и разжал хватку.

Пес не бросился на него. Но и не сдвинулся с места, а лишь негромко, сдавленно заскулил.

— Иди домой, — приказал Тень уже вслух.

Пес нерешительно замер. На какой-то миг Тени подумалось, что все кончено: он победил, и эта тварь сейчас просто уйдет. Но тут пес наклонил голову и оскалился. Шерсть на его загривке встала дыбом. Нет, понял Тень, он не уйдет, покуда жив.

Лучи восходящего солнца брызнули из-за горизонта, заливая светом рукотворную пещеру на склоне холма. Тень подумал, уж не нарочно ли

древние строители этого храма обратили его вход навстречу рассвету. Он шагнул в сторону, споткнулся обо что-то, потерял равновесие и упал.

Рядом с ним на траве, раскинув руки и ноги, лежал Оливер. Он был без сознания. Тень понял, что об его-то ногу он и споткнулся. Не открывая глаз, коротышка вдруг испустил низкое, горловое рычание, и…

…и тот же звук, но куда более громкий и торжествующий, вырвался из глотки темного зверя, вновь загородившего своей огромной тушей входной проем.

Тень лежал на земле — поверженный, терзаемый болью и уже все равно что мертвый.

Что-то мягкое дотронулось до его лица, очень нежно.

Что-то пушистое коснулось его руки.

Тень скосил глаза в сторону — и наконец все понял. Он понял, почему Баст оказалась с ним в этой пещере и кто ее привел.

Сто с лишним лет назад их привезли сюда из храма Баст, из некрополя Бени-Хасан. Их перемололи в порошок и рассыпали по окрестным полям — тысячи и тысячи, тонны и тонны кошачьих мумий. Каждая кошка — крошечный образ богини, и каждая — священнодействие,

растянутое на века.

И теперь все они собрались здесь, вокруг него: бурые, песочные и серые, как тени. Пятнистые, как маленькие леопарды, и полосатые, как маленькие тигры. Дикие, грациозные и древние. Не местные кошки, которых Баст послала присмотреть за ним накануне, но их далекие предки, предки всех кошек, живущих в наши дни. Кошки из Древнего Египта, из дельты Нила, из тьмы тысячелетий, которых привезли сюда, чтобы они дали новую жизнь полям и взрастили урожай.

Они не мяукали — только мурлыкали и щебетали.

Черный пес зарычал еще громче, но не сдвинулся с места, не попытался напасть. Усилием воли Тень заставил себя сесть.

— Я же предупреждал тебя, Старый Черт, — сказал он. — Я говорил тебе: иди домой.

Пес не шевельнулся. Тень разжал кулак и взмахнул правой, здоровой, рукой. То был жест разрешения, знак того, что его терпение лопнуло. *Ладно, давайте*, — говорил этот жест. — *Покончите с ним*.

И кошки прыгнули — все одновременно, слаженно и легко, словно в хорошо отрепетированном танце. Сжатые пружины зубов и когтей,

бритвенно-острых, как и при жизни, развернулись, впиваясь в бока гигантского черного зверя, вонзаясь в горящие зеленые глаза. Пес бессильно защелкал челюстями, отскочил в глубь пещеры и принялся колотиться об остатки стены, доламывая ее в тщетных попытках сбросить с себя рассвирепевших кошек. Но те держались крепко, продолжая терзать зубами его уши и морду, лапы и хвост.

Зверь взвизгнул и зарычал, а потом испустил какой-то новый, совсем не собачий звук: будь на месте этой твари человек, Тень сказал бы, что он вопит от боли.

Что случилось дальше, Тень так и не понял толком. Он лишь увидел, как черный пес прижался носом ко рту Оливера и с силой толкнулся вперед. А потом просто взял и *вошел* в Оливера, как медведь входит в реку.

Оливер забился в судорогах.

Вопль оборвался, и зверь исчез. Весь холм озарился ярким солнечным светом.

Тень вдруг заметил, что его бьет дрожь. Он чувствовал себя так, будто все это время спал наяву, а теперь очнулся. Волна эмоций затопила его, как солнечный свет — пещеру: страх, и отвращение, и горе, и боль, глубокая боль.

И гнев — как же без этого. Ведь Оливер действительно пытался его убить, а Тень сейчас впервые за последние дни мыслил ясно.

— Эй, там! — донесся снаружи мужской голос, вроде бы смутно знакомый. — Что у вас там стряслось?

Послышался тонкий лай, и в пещеру вбежала ищейка. Она обнюхала Тень, так и сидевшего спиной к стене. Обнюхала Оливера Бирса, лежавшего на земле в беспамятстве, и останки Кэсси Бергласс.

В дверном проеме, на фоне залитого солнцем неба, возник чей-то силуэт, словно вырезанный из серой бумаги.

— Фу, Клык! Ко мне! — скомандовал он, и пес послушно подбежал к хозяину. — Я услышал крики. Кто-то вопил, как резаный. Это ты, что ли? — спросил он у Тени и вдруг остолбенел. — Ах ты, мать твою растак и разэдак богу в душу! — выпалил он, таращась во все глаза на труп.

— Ее звали Кэсси Бергласс, — сказал Тень.

— Бывшая подружка Мойры? — уточнил хозяин паба. Тень уже узнал его, но никак не мог припомнить имя. Возможно, он его и не знал. — Черт меня раздери со всеми потрохами! Я-то думал, она уехала в Лондон.

Тень почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота.

Хозяин паба опустился на колени рядом с Оливером.

— Сердце еще бьется, — сообщил он. — А с ним-то что случилось?

— Точно не знаю, — сказал Тень. — Он закричал, когда увидел тело, — наверно, это ты его и услышал. А потом просто упал и отрубился. А потом прибежала твоя собака.

Хозяин паба нахмурился и посмотрел на Тень:

— А ты? С тобой-то что стряслось, парень? На тебе прямо лица нет!

— Оливер попросил меня прийти с ним сюда. Сказал, что тут что-то ужасное и что ему надо снять с души камень. Поделиться с кем-то. — Тень окинул взглядом стены по обе стороны коридора и только теперь заметил несколько ниш, заложенных камнями. Можно было не сомневаться, что там найдут, если разберут кладку. — Мы пришли, и он сказал, что надо вскрыть стену. Попросил меня помочь. Ну, я и помог. А когда он упал, то и меня сшиб с ног. Уж очень все это было неожиданно.

— А он сказал, почему он это сделал?

— Из ревности, — ответил Тень. — Он ревновал

Мойру к Кэсси, хотя та ее и бросила.

Хозяин паба шумно выдохнул и покачал головой.

— Охренеть. Просто охренеть. В жизни бы не подумал, что этот клоп на такое способен. Фу, Клык! Перестань! — Он вытащил из кармана мобильник и вызвал полицию, а потом сказал: — Ну, я пойду. Ты уж извини, но у меня тут целый мешок дичи. Не дай бог, копы решат всех обыскать.

Тень поднялся и осмотрел свои руки. На левом рукаве куртки и свитера зияли рваные дыры, словно от огромных зубов, но сама рука была целехонька. И никаких следов крови — ни на одежде, ни на руках.

Тень невольно задумался, как бы выглядел его труп, если бы тот черный пес убил его.

Призрачная Кэсси стояла рядом и глядела на собственное тело, наполовину вывалившееся из пролома в стене. Тень заметил, что ногти на руках у трупа обломаны и кончики пальцев сбиты, словно Кэсси несколько часов, а то и дней — до самой смерти — пыталась расшатать камни и разобрать стену.

— Нет, ты только посмотри на это! — воскликнула она, разглядывая свой труп. — Бедняжка. Прямо как та кошка в стеклянном ящике. — А

потом повернулась к Тени: — На самом деле я тебя обманула. Я на тебя не запала. Уж извини, но мне просто надо было как-то привлечь твое внимание.

— Я понимаю, — сказал Тень. — Жаль только, что мы не встретились, когда ты была еще жива. Мы могли бы стать друзьями.

— И наверняка бы стали! Мне здесь нелегко жилось. Как хорошо, что со всем этим теперь покончено! И ты уж меня прости, мистер Американец. Не хочу, чтобы ты меня ненавидел.

Тень промокнул рукавом слезящиеся глаза. Когда он опустил руку, рядом с ним уже никого не было.

— Я и не думал тебя ненавидеть, — сказал он в пустоту и вдруг почувствовал, как кто-то легонько сжал его руку и тут же отпустил. Щурясь от света, Тень вышел наружу и остался стоять. Он дышал полной грудью, и дрожал, и слушал дальний вой сирен.

Потом прибыла полиция. Двое мужчин уложили Оливера на носилки, снесли с холма и погрузили в машину «Скорой помощи». Машина покатила прочь через поля и луга, завывая сиреной — надо полагать, ради безопасности встречных овец, чтобы те успевали убраться с

дороги на травку.

Когда «Скорая» скрылась из виду, появилась женщина-офицер в сопровождении полицейского помладше — очевидно, ее подчиненного. Они, разумеется, прекрасно знали хозяина паба, чья фамилия оказалась, естественно, Скейтлок. Останки Кэсси произвели сильное впечатление на обоих, особенно на молодого полицейского, который только заглянул в пещеру и тут же убежал в кусты, где его еще долго тошнило.

Если кому-то из них и пришло в голову, что не худо было бы осмотреть и остальные ниши, заложенные камнями (вдруг и там найдутся следы преступлений, совершенных в былые века?), то эту мысль они успешно отринули, а Тень в любом случае не собирался предлагать ничего подобного.

Он коротко рассказал полицейским все то же, что и хозяину паба, а потом поехал с ними в участок, где изложил более подробную версию высокому, солидному офицеру, щеголявшему внушительной бородой. Офицера, похоже, больше всего заботило, чтобы Тени поскорее принесли кружку растворимого кофе и чтобы у него, Тени, не сложилось превратного представления о сельской Англии — ведь он, как-никак, был гостем из

дальних стран.

— Очень необычный случай, — приговаривал он. — Из ряда вон выходящий. На самом-то деле у нас все тихо-мирно. Славное место, прекрасные люди. Так что вы не подумайте, что мы тут все такие, как он.

Тень заверил его, что ему бы и в голову не пришло так подумать.

VI

Загадка

Мойра ждала его у входа в полицейский участок. Рядом с ней стояла женщина чуть за шестьдесят, на вид очень уютная и утешительная, точь-в-точь такая, какую неплохо держать под боком на случай непредвиденных потрясений.

— Тень, это Дорин. Моя сестра.

Дорин пожала ему руку и принялась подробно рассказывать, как она сожалеет, что смогла приехать только сейчас:

— …но, видите ли, я всю неделю была очень занята, переселялась в новый дом, а переезд — дело нешуточное…

— Дорин — судья графства, — пояснила Мойра.

Тень попытался представить Дорин в судей-

ском парике и мантии — и не сумел.

— Они там уже ждут, когда Олли выпишут из больницы, — сказала Мойра. — Ему предъявят обвинение в убийстве, — добавила она таким же тоном, каким могла бы спросить у Тени, на какой клумбе, по его мнению, лучше посадить львиный зев.

— И что ты собираешься делать?

Мойра задумчиво почесала нос.

— Я в шоке, — сообщила она. — Я просто понятия не имею, что теперь делать. Я только хожу и думаю обо всем, что было. Как я жила последние несколько лет. Бедная, бедная Кэсси! Она, наверно, думала, что он совершенно безобидный!

— А мне он никогда не нравился, — фыркнула Дорин. — Ходячая энциклопедия, да и только. И такой ужасный болтун, прямо сил нет! Все трепал языком и трепал — как будто все время пытался что-то скрыть.

— Твой рюкзак — у Дорин в машине, — сказала Мойра. — Мы можем тебя подбросить куда-нибудь, если надо. Ну, если ты, конечно, не хочешь еще побродяжничать.

— Спасибо, — сказал Тень. Он и так уже догадывался, что никогда больше не будет желанным гостем в домике Мойры.

— Ты говорил, что видел Кэсси, — сказала Мойра так настойчиво и сердито, словно ее сейчас по-настоящему интересовало только это. — Ты сам это сказал нам. Вчера. Из-за этого-то Олли и сорвался. Я и сама чуть было не сорвалась. Зачем ты это сказал? Ведь она умерла. Ты не мог ее видеть!

Тень уже успел придумать, как будет выкручиваться, — пока делал заявление для полиции.

— Понятия не имею, что это было, — развел он руками. — В привидения я не верю. Наверное, кто-то из местных решил подшутить над глупым туристом-янки.

Несколько секунд Мойра молча сверлила его своими карими глазами, словно стараясь, но никак не решаясь поверить. Наконец, сестра взяла ее за руку:

— Есть многое на свете, друг Горацио… Давай уж оставим все как есть. Что было, то было.

Мойра еще раз смерила Тень недоверчивым, сердитым, долгим взглядом, но затем глубоко вздохнула и ответила сестре:

— Да. Да, наверное, ты права.

Ехали они молча. Тень хотел извиниться перед Мойрой, сказать что-нибудь такое, чтобы хоть немного ее утешить, но не находил слов.

За окном машины промелькнуло висельное дерево.

— «Десять языков в одной голове, — высоким голосом и чуть нараспев произнесла Дорин. — Один язык пошел за хлебом, чтоб накормить живых и мертвых». Вот такую загадку сочинили когда-то об этом месте. Об этом самом дереве.

— И что это значит?

— Королек свил гнездо в черепе трупа, вывешенного в клетке. И летал туда-сюда через рот — носил пищу своим птенцам. В общем, это значит, что жизнь продолжается даже там, где воцарилась смерть.

Тень немного повертел эту мысль в голове, а потом сказал, что да, наверное, так оно есть.

Октябрь 2014 года
Флорида – Нью-Йорк – Париж